

ФИЛИПП ВАНДЕНБЕРГ

ЗЕРКАЛЬЩИК

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

ЗЕРКАЛЬЩИК

ФИЛИПП
ВАНДЕНБЕРГ

Зеркальщик промолчал, продолжая глядеть на север, туда, где из воды поднимался город, подобный гордому кораблю...

Радость пассажиров, которые при виде цели путешествия зашумели и пустились в пляс, небрежность команды — все это послужило причиной того, что никто не увидел три быстрых парусника, приближавшихся с востока. И только когда над морем прозвучал залп, а за ним второй, пассажиры закричали от испуга. Впередсмотрящий, который тем временем успел покинуть свой пост, вскочил на один из бочонков, стоявших на палубе, приставил ладони ко рту и закричал:

— Все на нижнюю палубу!

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-3578-1

9 785991 035781

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-0763-9

9 786171 207639

Philipp Vandenberg

DER
SPIEGELMACHER

ROMAN

Филипп Ванденберг

ЗЕРКАЛЬЩИК

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
БЕЛГОРОД СЕМЕЙНОГО
2016 ДОСУГА

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гер)
В17

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Vandenberg P. Der Spiegelmacher : Roman / Philipp Vandenberg. —
Köln : Bastei Lübbe Verlag, 2003. — 523 S.

Перевод с немецкого *Екатерины Пушкарской*

Дизайнер обложки *Наталья Острогорская*

ISBN 978-617-12-0763-9 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3578-1 (Россия)
ISBN 978-3-404-14277-4 (нем.)

- © Bastei Lübbe AG, Köln, 1998
- © Shutterstock.com / donatas1205, Captblack76, Denis Belitsky, обложка, 2016
- © Nemiroltd, издание на русском языке, 2016
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2016
- © ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», г. Белгород, 2016

Сильнее, чем золото, мир изменил свинец. Но еще больше, чем свинец в ружьях, это сделал свинец в наборной кассе.

Георг Кристоф Лихтенберг

СНАЧАЛА КОНЕЦ

Идет год тысяча четыреста восемьдесят восьмой от Рождества Христова, и наверняка — если этот мир доживет до конца века — однажды скажут, что это был совершенно не важный, незначительный и ничего не определяющий год. Что меня совершенно не волнует. В моем возрасте потребность в важности все равно невелика. Нет, для такого старика, как я, важными становятся совершенно другие вещи.

Сколько времени я потратил, чтобы накопить земные богатства, сколько стараний вложил, чтобы испытать то, что зовется любовью! И теперь борода моя седа, словно мех зайца-беляка, а символ моей мужественности висит между ног — увольте меня от сравнений, спина моя сгорбилась, а глаза способны отличить разве что день от ночи, и несмотря на то что я должен был бы чувствовать себя недовольным, несчастным, жалким и убитым горем, я ощущаю странное удовлетворение и в некотором роде счастлив. Не спрашивайте почему, все это и без того достаточно нелепо.

Я, Михель Мельцер, зеркальных дел мастер из города Майнца, да к тому же еще чернокнижник, считаю дни в покоях архиепископа, не переставая удивляться тому, сколько я уже насчитал, и ежедневно спрашиваю себя, сколько мне еще считать, ведь мои часы, заведенные судьбой для каждого из нас, уже давно должны были остановиться. Семьдесят восемь лет или меньше — какая мне разница? А вам и по-давно!

Хотя я сижу здесь со времен Лауренци Анно не-помню-как-дальше и нельзя сказать, что стража относится ко мне хорошо, хотя моя жизнь ограничена тремя шагами вперед и двумя в сторону, это лето кажется мне счастливейшим в моей жизни. Вы спросите меня, почему? Что ж, я отвечу.

Разве жизнь с самого начала не делится на свет и тень: на войну и мир, труд и безделье, страсть и равнодушие, хаос и гармонию? Если это так, то живу я на склоне лет в мире, безделье, равнодушии и гармонии. Есть ли жизнь лучше этой?

Теперь, когда я привык к этому месту вдали от хаоса, страстей, труда и войны, теперь, когда ожидание утренних лучей солнца и вечерний перезвон колоколов со Святого Албана стали для меня счастьем, я испытываю больше удовлетворения, чем в мои так называемые лучшие годы.

Камеру свою я делю с пауком, который в поисках пищи день за днем преодолевает путь по длинной стене напротив моего деревянного ложа. Поначалу мне приходилось сидеть тихо, чтобы паук дошел до зарешеченного окна, но уже давным-давно мы настолько привыкли друг к другу, что теперь животное всегда замирает на шершавой стене на середине своего пути, словно хочет поприветствовать меня, а затем снова продолжает путь к своей цели — выступу в стене у окна, где каждый раз находит себе пропитание.

Я и не думал, что на склоне лет стану вдобавок ко всему еще и арахнологом. Но я ценю этого паука. Не только потому, что он оберегает меня от всех паразитов, но и потому, что он обладает провидческим даром. Своим поведением он может предсказывать погоду, никогда при этом не ошибаясь. Если он двигается быстро и суетливо, то это предвещает бурю, дождь и мрачные тучи. Если же он бежит спокойно и размеренно, это означает, что небо будет ясным. Но мало того, паук даже указал мне верный способ передать мои воспоминания потомкам, что было мне высочайше запрещено, поскольку вельможные господа ничего не боятся так, как правды. А как известно, у того, кто говорит правду, редко находятся благодарные слушатели.

Думаю, они заставили бы меня молчать даже ценою смерти. Они отобрали у меня бумагу и чернила — самое дорогое, что у меня было. Но эти толстосумы в черных рясах забыли сжечь меня. Кажется, они до сих пор не поняли, что самая большая опасность исходит от мыслей, — а мысли живы, пока жив человек.

Итак, я, погрузившись в раздумья, наблюдал за повторяющимся путем паука до того самого дня, когда он, бог знает почему, пошел другим путем, — а именно в ту сторону, где стояло мое ложе. Он подошел ко мне на расстояние вытянутой руки и вдруг скрылся в щели в стене, на которую я раньше не обращал внимания.

Когда на следующий день паук так и не появился оттуда, я попытался исследовать щель и с удивлением обнаружил, что туда свободно проходит палец, и, как следует раскачав камень, я смог вынуть его из кладки. Как же я испугался, увидев в проеме бледное лицо мужчины! Но еще больше, чем я сам, испугался тот, другой. Он, должно быть, подумал, что из стены на него глядит сам Вельзевул.

Так продолжалось некоторое время, пока мы не рассмотрели друг друга получше и не стали доверять один другому настолько, что, преодолев нерешительность, завели разговор. Для нас обоих он окончился осознанием того, что нам не стоит бояться друг друга, ведь мы оба влачим жалкую судьбу. Другой (я называю его так, потому что он отказался сообщить мне свое имя), этот другой расплачивался за святотатство: он посмел соблазнить монахиню святой Хильдегарды и сделал ей ребенка, что в понимании Церкви было хоть и грехом, но вполне простительным, пока виновник тщательно осенял себя крестным знаменем и отрицал свою причастность. Но он не пошел по этому пути. И когда благословенная мать родила близнецов, что даже в кругах, соблюдающих celibat, считалось особенной милостью Всевышнего, и почтенный отец повесил на гвоздь свою августейшую рясу, собираясь жениться на монахине, отцы Церкви обвинили его в сумасшествии и посадили сюда. Поэтому грешник полагал, что это никакая не тюрьма, а сумасшедший дом.

Все это и кое-что еще я узнал через отверстие в стене за одну-единственную ночь. Боясь, что нашу тайну обнаружат, я водворил камень на место. На следующий день мой сосед сообщил мне, что у него есть бумага, чернила и возможность записывать свои мысли, но, как он утверждал, слова не имеют для него большого значения.

На третий день мы прониклись друг к другу еще большим доверием, и когда мой сосед узнал, как сильно страдаю я от невозможности писать, предложил (вероятнее всего, от скуки) записывать то, что я буду ему рассказывать.

И видит Бог, мне было о чем поведать! Ни один из нас не знает, выйдем ли мы отсюда живыми и не напрасен ли весь наш труд, но для меня важно спасти свою честь. И если есть хоть малейшая надежда на то, что мои записи переживут заключение, стоит попробовать.

Я желаю богачам золота, верующим — вечной жизни, а просветленным — блаженства познания, но даже самым коварным душам не желаю я объявлять себя способными изменить мир, ибо это невозможно.

Любое такое заявление — результат вопиющего обмана; то, что я могу сообщить, — это история моей собственной борьбы против тех, кто в окружении лизоблюдов и подлиз заключил союз с дьяволом или с теми существами, которых зовут Ориенс, Амаймон, Паймон и Эгин. Хотя подобное говорили и обо мне, но это не так, клянусь телом Симонетты, одиноким лучом света в моем темном царстве. Этот луч тоже вскоре может погаснуть, потому что меня вот-вот поразит полная слепота.

С давних пор люди, которые занимались непонятными для остальных вещами, почитались магами, колдунами и чернокнижниками. Странно, что никто до сих пор не догадался обвинить в этом попов, при том что они ничего иного и не делают. Когда я еще шлифовал зеркала, с помощью которых благочестивые люди надеялись увидеть сияние Святого Духа, а глупцы — чудесное действие замаранных пеленок милого Иисусика — тогда, кажется, мои труды благословлял сам Папа в далеком Риме. Когда же из моих зеркал показались сладострастные женщины, задиравшие юбки до самого срамного места и обнажавшие полные груди, архиепископ при всем честном народе объявил меня колдуном, а мое искусство — порочным. Хотя именно он должен был знать, что правда заключена в глазах того, кто смотрит, — ведь архиепископ был одним из моих постоянных клиентов.

Когда я посредством того самого искусства, из-за которого я день за днем и год за годом спорил с этим порождением сатаны, за один день принес святой матушке Церкви больше дохода, чем монахи тридцати монастырей, мне наряду с хорошим заработком пожаловали полную индульгенцию. Она прощала мне все грехи, которые я уже совершил и еще мог совершить. Ну, да вы видите, чего стоит такая индульгенция: она дешевле даже того клочка бумаги, на котором напечатана! И при этом я ничего не нарушил — кроме того, что своими глазами видел то, чего мне видеть не следовало, и, клянусь всеми святыми, тогда мое зрение было таким же острым, как у орла.

Но я не хочу жаловаться, пусть даже с каждым днем вокруг становится все темнее и темнее. Я видел достаточно, намного больше, чем мог мечтать простой зеркальщик из Майнца. Я жил во времена, когда мир трещал по швам, как никогда прежде; когда мир потерял свой облик, низшее стало высшим, а высшее — низшим. Даже сама форма и направленность мира изменились. Три тысячи лет люди плыли на восток, чтобы попасть в Индию, а теперь говорят, что нужно плыть на

запад, и тоже попадешь в Индию. Но что нужно в Индии такому старику, как я?

В мое время войны велись с помощью ума, а если этого нельзя было избежать, то и с помощью мускульной силы. Это были честные войны, люди сражались с людьми. Побеждал самый лучший, самый сильный и самый быстрый — побеждал заслуженно. А что теперь? Сегодня исход войны решает черный порох. Даже целиться не нужно. Чем больше выстрелов в сторону врага, тем больше шансов победить. Что это за война, когда соперник не попадает даже в поле зрения, когда солдаты гибнут, так и не увидев своего противника? Если так пойдет и дальше, то в поле будут выходить одни полководцы. Они станут зажигать фитили и одним выстрелом уничтожать вражеское войско.

Что это за времена, когда в церковном соборе больше шлюх, чем епископов, когда простые монахи и монахини истязают себя в монастырях, а настоятели совокупаются по астрологическому календарю, чтобы создать сверхчеловека? Разве удивительно, что в результате этого рождаются человеческие существа с тремя глазами или с раздвоенной губой? Разве странно, что на свет появляются коровы о двух головах, кошки без шерсти и рыбы, которые покидают свою стихию и летают, словно жаворонки?

Мир жаждет чего-то необычного — магов, которые разговаривают животом вместо рта, превращают камень в сыр и заставляют воду течь вверх. Осел, играющий на арфе, вызывает больше интереса, чем философ; человек, испражняющийся золотом у всех на глазах, затмит любого проповедника. И если бы Иеронимус Босх, известнейший художник нашего времени, рисовал так, как живописцы прошлого, то и его имя было бы вскоре забыто, как это случилось с остальными. Но он вытащил дьявола из ада и заставил духов витать в облаках. У его монахинь лица портовых шлюх, а епископы похожи на привидений. Он рисует гермафродитов и химер, но над всем этим яркими красками написано проклятие человечеству.

Что это за времена, когда рожа значит больше, чем прекрасный лик; когда Папы содержат своих собственных магов, а короли — предсказателей с хрустальными шарами? Что это за времена, когда матери продают жидкость из пуповины своих младенцев, которая, как полагают, должна обеспечить вечную молодость; когда отрубленный хвост горностающая помогает от зубной боли, а жидкое серебро — от французской болезни? Ученые монахи, ранее предававшиеся созерцанию

и благочестивым молитвам, предсказывают предстоящее рождение ребенка по моче. Алхимики составляют жуткие эликсиры, после которых начинаются видения и появляется недолгое ощущение счастья, но едва алхимиков начинают преследовать, они бросают зависящих от них людей на произвол судьбы.

Соль и мед, которые со дня сотворения мира на всей земле считались приправами, отжили свое и больше не удовлетворяют нашему вкусу. Некоторые готовы совершить путешествие в Аравию или Индию за парой мешков перца, корицы, имбиря и гвоздики, а те, чье нёбо ничто больше не щекочет, одаряют их золотом. И это при том, что всем известно: пряности просто обманывают истекающий слюной язык, внушая человеку то, чего на самом деле нет, подобно сказочнику или калеке, которого теперь везде показывают. От шарлатанов нет никакой пользы, но и вреда, по меньшей мере, тоже никакого, в отличие от восточных пряностей. Они разлагают кишки, и то, что на краткое время радует язык, несет смерть внутренностям.

Но кому, хочу я вас спросить, мог помешать я, я, зеркальщик Михель Мельцер, когда — как же давно это было! — провозгласил, что в моих зеркалах каждый может увидеть свое счастье, если будет смотреть достаточно долго и верить в чудо? То, что до сих пор мне доводилось немного помогать счастью? Пусть простят меня те, кого оно коснулось, — я не обманывал их. Даже тридцать шесть монахов из ордена святого Бенедикта, которым я обещал той ночью миг блаженства и заставил увидеть сладострастие *in personam*¹. Они были в экстазе и несколько дней спустя, подобно святому Антонию, словно действительно одним глазком заглянули в запретный рай. Именно тогда я понял, что зеркала обладают способностью изменять людей, и начал этим пользоваться.

Человек исполнен желаний от колыбели до смертного одра. Но понимание того, что большая часть желаний так и остается не исполненной, доступно немногим. Мы отчаянно цепляемся за все, что способно дать нам надежду. В таком случае зеркало не причиняет ни малейшего вреда.

Но расскажу-ка я по порядку, как все было. Я ничего не пропущу и не стану скрывать, я только надеюсь, что у вас, верный мой сосед, достаточно бумаги и чернил. Записывать каждое мое слово не нужно, и мо-

¹ В лицо (лат.). (Здесь и далее примеч. перев., если не указано иное.)

жете сами решать, что вам кажется важным, а что — нет. Но я должен взять обещание, что вы не станете ничего искажать и перевирать. Поклянитесь всем святым и той монахиней, что родила от вас, не скрывать даже непристойного и правдиво записать мою историю.

Пятая неделя поста, что для меня, собственно, ничего не значит, поскольку такой старик, как я, и так живет исключительно воспоминаниями.

Михель Мельцер

Глава 1

ЗЕРКАЛА МАЙНЦА

До семи лет Михель Мельцер рос как трава под солнцем — наивный, простодушный, но смысленый и любопытный. При этом, однако, ему не хватало разума, чтобы понять Библию. Интерес для него представляли исключительно чудеса, которых в Библии немало, и Освальду — так звали его отца — приходилось, насколько позволяло время и тусклый свет в мастерской, читать сыну о том, как Моисей заколдовал змею или заставил источник бить из скалы. И мальчику хотелось одного: стать пророком, таким же, как Моисей.

Поначалу отец Михеля не обращал внимания на вопрос о выборе столь возвышенной профессии, равно как и на большинство вопросов, которые задавал ему сын. Но позже, когда Освальд Мельцер понял, что Михель настаивает на том, чтобы учиться на пророка, он вынужден был запретить сыну дальнейшие расспросы. Вместо ответа Михель получил от отца зеркало собственного изготовления и в придачу наставление: мол, пусть, коли хочет, занимается им — рано или поздно зеркало станет его кормить. Но прежде всего следует научиться осторожно с ним обращаться, потому как разбитое по своей вине зеркало сулит владельцу вечное несчастье. Эти слова произвели на мальчика сильное впечатление.

И хотя, а может быть, потому, что он ничего не понял из этой речи, мальчик целыми днями возился с зеркалом. Мать его, богобоязненная женщина, часто обнаруживала, что Михель сидит у окна, или перед дверью, или на ближайшем дереве, словно каменный, и, не отрываясь, смотрит в зеркало. Когда она спрашивала, чем он занят, ответа не было. Нередко бывало и так, что вечерами ей приходилось относить Михеля в постель — безмолв-

ного и невменяемого, и родители со страхом ждали, что сын вот-вот станет слабоумным.

Чтобы отвлечь паренька от самосозерцания, родители решили отдать его в школу. А поскольку Освальд Мельцер не доверял церковным школам, где только и делали, что морочили детям головы и превращали в попов, он отдал сына под опеку воспитателя, ученого и вольнодумца, звавшегося Беллафинтус. Беллафинтус обучал на Большой горе малочисленную группу учеников основам латыни и греческого, чтобы иметь возможность предаваться собственным тайным исследованиям человеческой натуры. Там Михель показал себя смышленным пареньком, способным к изучению чужеземных языков. Но охотнее он слушал рассказы уборщицы-гречанки или невероятные истории садовника-итальянца о чудесах Венеции, чем занимался переводами сухих классиков древности или трудов отцов Церкви. Зеркальце, данное отцом, по-прежнему было у него с собой, и иногда мальчика обнаруживали в углу комнаты — Михель сидел, погруженный в созерцание того, что он видел в зеркале помимо собственного лица.

Спустя годы учебы, молчания и созерцания пойдя в обучение к своему отцу, Михель заговорил. Фантазии, которые приходили ему в голову, казались более ценными, чем то, что подсказывал здравый смысл. Михель бросал взгляд в зеркало, и у него появлялись светлые идеи; да, казалось, он может видеть то, что сокрыто в будущем и известно только хранителям тайного знания некромантии.

Началось все с того, что ученик Мельцер взял свинец, олово, сурьму, добавил немного висмута, расплавил все это, превратив в сверкающий сплав, и вылил в слегка изогнутую форму, похожую на перевернутую миску. После продолжительной обработки точильным камнем изогнутое зеркало стало блестеть, подобно ясному месяцу. Отражение того, кто смотрел в него, оказывалось не таким, каким создала человека природа, а таким, словно между попаданием в зеркало света и его отражением проходили годы. Худые, изможденные, недоедающие лентяи, нищие и мыловары, у которых от тяжелого труда так ввалились щеки, будто смерть стучалась к ним в дом каждый день, в этом зеркале казались толстыми и здоровыми.

Ученику зеркальных дел мастера потребовалось только немного воображения и силы убеждения, чтобы провозгласить: грядут лучшие дни. Ему повезло: случилось так, что выпало пять урожайных

лет подряд и пять зим, которые не заслуживали этого названия. Еды было так много, что даже свиньям и курам давали то, что обычно оставляли для власть имущих.

И вскоре по Майнцу разлетелась весть, что этот достаток предсказал зеркальных дел мастер Михель Мельцер.

Пять сытых лет еще не прошли, а Михель Мельцер был уже подмастерьем. Он отлил новое зеркало, совершенно иного вида. Он сделал его вогнутым, и зеркало представляло сытые, тучные тела откормленных жителей Майнца похудевшими и истощенными. И каждый, кто бы ни посмотрел в это зеркало, впадал в отчаяние и, опасаясь нужды, начинал копить продукты, которые выбрасывал раньше животным на корм.

И случилось чудо. Вскоре после этого, в сентябре, ударили морозы. Они закончились в мае и уничтожили весь урожай. Ни одно из посеянных зерен не стало колосом, ни один клубень не взошел, на деревьях не было цветов, а на Рейне, Майне, Мозеле и Наэ погибли все виноградники. В других городах начался голод, гибли люди, а горожане Майнца благодаря зеркальному предвидению Михеля Мельцера отложили столько запасов, что лишь несколько человек умерли от голода. А старого вина и вовсе было вдоволь.

Молодого зеркальщика носили на руках, поскольку оказалось, что он обладает способностью предсказывать с помощью зеркал, а многие даже считали его кудесником. Михель Мельцер думал-думал, но так и не нашел объяснения своим якобы чудесам, кроме того, что все мы кудесники, поскольку сами творим свой мир. Разве не так?

Молодой зеркальщик готов был поклясться всеми святыми и законами природы, что ни от чего не был так далек, как от шарлатанства или фиглярства. Но сколько бы он это ни повторял, верить ему не хотели и приписывали его зеркалам пророческие способности. Дело Михеля процветало, и он едва успевал выполнять заказы.

В переулке Игроков, за собором, там, где живут жестянщики, ювелиры и медники, Михель Мельцер построил себе новую мастерскую. Он стал мастером и взял себе двух подмастерьев за небольшую плату в два шиллинга. Один из них звался Готхардом Хупперцем, родом он был из Базеля, где его отец, булавочник, спился до смерти, а мать, сохрани ее Господь, чтобы не умереть

с голоду, вышла замуж за богатого крестьянина. О втором, некоем Иоганне Генсфлейше, речь пойдет еще не раз и не только о хорошем.

Если первый, наученный судьбой и годами лишений, был богобоязненным и честным подмастерьем, то второй довольно быстро начал ссориться со своим мастером. В первую очередь Генсфлейш подвергал сомнению провидческое свойство зеркал Мельцера, называл все это шарлатанством и сравнивал с магией и астрологией, которые с помощью разнообразных веществ, таких как, например, человеческие экскременты, или по положению созвездий предсказывают будущее, да еще за деньги!

Возразить на критику подмастерья Мельцера было нечего, кроме как указать на то, что не он предсказывал сытые и голодные годы, а люди сами увидели в зеркалах свою судьбу. Ничего так не желал мастер, как того, чтобы всей этой кутерьмы вокруг зеркал не было вовсе. Но зеркала уже приносили ему немалый доход, а кто же станет завязывать мешок, когда другие люди его наполняют?

К тому же Мельцер свел неожиданное знакомство с Урсой Шлебуш, прекрасной юной девушкой, которая осталась сиротой. Урса сбежала из Кельнского приюта для кающихся, где ее воспитывали в духе благочестия и готовили к пострижению в монахини. Но в строгом приюте Урса выказывала больше склонности к радостям жизни, пению и смеху, а стоя во время продолжительных молитв на коленях, не могла сосредоточиться так, как нужно. Поэтому при первой же возможности девушка присоединилась к пилигримам из Майнца, совершавшим паломничество к гробнице Трех Святых Царей и возвращавшимся домой. Чтобы уберечь Урсу от легкомысленной жизни или позора быть избитой розгами и изгнанной из города средь бела дня, Мельцер взял девушку к себе.

Это был смелый поступок. Он сказался в равной степени негативно на репутации Михеля и Урсы, как только подмастерье Генсфлейш начал трезвонить об этом событии на каждом углу. Был только один способ заткнуть рты надоедливым рыночным торговкам, сплетникам и хвастунам: Михель Мельцер должен был жениться на красивой девушке из приюта для кающихся, о происхождении которой никто, кроме него, не знал. То, что Урсе было всего четырнадцать лет, вызывало меньше удивления, чем скорость, с которой Мельцер привел свой план в действие.

И хотя в переулке Игроков снова воцарились справедливость и порядок, разногласия между мастером и подмастерьем перешли в открытое противостояние. Генсфлейш строил Урсе глазки, а Мельцер, снedaемый ревностью, делал все, чтобы молодая жена как можно скорее забеременела. Он приходил к ней по нескольку раз в день, настолько часто, насколько ему позволяла его мужская сила. Михель был одержим мыслью зачать сына и успокоился только тогда, когда на теле Урсы проявились отчетливые признаки беременности.

Мельцер был счастлив, а Генсфлейш прекратил преследования. Но всем известно, что счастье изменчиво, как погода весной, когда солнечный день может внезапно смениться жуткой бурей. Роды были тяжелыми, Урса потеряла много крови. Повитуха сказала, что кровь Урсы была еще слишком молодой, чтобы накормить ребенка, поэтому тело отторгло его. И как бы там ни было, Урса так и не оправилась после родов и навсегда осталась бледной, словно обескровленной.

Зато маленькая девочка, выкормленная молоком крепкой кормилицы, была самым настоящим солнышком, и Мельцер души в ней не чаял. Он окрестил ее Эдитой в честь мученицы, в день которой она появилась на свет, и давал дочери все, что только могла иметь девочка этого сословия. И тут Мельцер снова подвергся испытанию.

Маленькой Эдите как раз исполнилось три года, когда ее мать после долгой болезни скончалась. Среди прислуги зеркальщика поползли слухи, что Мельцер, который мечтал о сыне, движимый похотью, набросился на свою жену, и ее измученное тело не вынесло этого. Но все это были злые сплетни, и когда Мельцер стал разбираться, все дружно указали на подмастерье Генсфлейша, который и пустил этот слух (впрочем, Генсфлейш абсолютно все отрицал). Нет, Урса просто угасла, как угасает огонек, потому что у него нет сил светить.

Но с тех пор веселая, жизнерадостная девочка, какой была Эдита, начала грустить. Это потрясло ее отца еще больше, чем смерть любимой жены, ставшая для него в своем роде избавлением. Малышка мрачно смотрела прямо перед собой, и ни приветливые слова, ни самые лучшие игрушки, которыми ее буквально осыпал зеркальных дел мастер, не вызывали у нее даже слабой улыбки. Создавалось впечатление, что вместе со смертью матери угасла и жизнерадостность Эдиты.

Літературно-художнє видання

ВАНДЕНБЕРГ Філіпп

Дзеркальник

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Завідувач редакції *Т. М. Кукова*
Відповідальний за випуск *М. І. Коміна*
Редактор *О. В. Пунько*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректори *Є. Я. Богуславська, О. Г. Литинська*

Підписано до друку 08.04.2016. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 20,16. Наклад 8000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля».
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р.
www.ttornado.com.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

Литературно-художественное издание

ВАНДЕНБЕРГ Филипп

Зеркальщик

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Заведующий редакцией *Т. Н. Кукова*
Ответственный за выпуск *М. И. Комина*
Редактор *Е. В. Пунько*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*
Корректоры *Е. Я. Богуславская, Е. Г. Литинская*

Подписано в печать 08.04.2016. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 20,16. Тираж 8000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНІСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г.
www.ttornado.com.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов, художников, переводчиков и редакторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

Михель Мельцер, зеркальный мастер из Майнца, вирушає до Константинополя, щоб видати заміж дочку Едіту. Там він стає особистим дзеркальником самого імператора і опановує секрети «чорного мистецтва» — книгодрукування. Але незабаром Едіта тікає від батька... Чимало пригод чатують на Міхеля у Венеції, куди він вирушає на пошуки дочки. Зустріч із коханням усього життя, участь у змові проти Папи Римського та союз із таємничим незнайомцем. Чи знайде він дочку? І чи уславить його «чорне мистецтво», через яке він опинився у вихорі палацових інтриг?

Ванденберг Ф.

В17 Зеркальщик : роман / Филипп Ванденберг ; пер. с нем. Е. Пушкарской. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2016. — 384 с.

ISBN 978-617-12-0763-9 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3578-1 (Россия)

ISBN 978-3-404-14277-4 (нем.)

Михель Мельцер, зеркальных дел мастер из Майнца, отправляется в Константинополь, чтобы выдать замуж свою дочь Эдиту. Там он становится личным зеркальщиком самого императора и овладевает секретами «черного искусства» — книгопечатания. Но вскоре Эдита убегает от отца... Множество приключений ожидают Михеля в Венеции, куда он отправляется на поиски дочери. Встреча с любовью всей жизни, участие в заговоре против Папы Римского и союз с таинственным незнакомцем. Найдет ли он дочь? И принесет ли ему удачу «черное искусство», из-за которого он оказался в центре придворных интриг?

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гер)